

Матвей Комаров

Повесть о приключениях
английского милорда Георга

БЕСТ
СЕЛЛЕРЫ
XIX
ВЕКА

Бестселлеры XIX века

Матвей Комаров

**Повесть о приключениях
английского милорда Георга**

Издательство «Зерна»

1782

Комаров М.

Повесть о приключениях английского милорда Георга /
М. Комаров — Издательство «Зерна», 1782 — (Бестселлеры XIX
века)

ISBN 978-5-907190-47-4

Л. Н. Толстой любил задавать такой вопрос: «Кто самый известный русский писатель?» и на ответ собеседника возражал: «Нет. Матвей Комаров». Матвей Комаров – автор, пожалуй, самой легендарной книги в русской литературе, умопомрачительного бестселлера о приключениях английского милорда Георга: до революции эта книга переиздавалась более 30 раз, последний ее тираж, вышедший в 1918 году, был конфискован и уничтожен. И вот – текст этого культурного артефакта впервые в современной русской орфографии.

ISBN 978-5-907190-47-4

© Комаров М., 1782
© Издательство «Зерна», 1782

Содержание

Предисловие	5
В. Г. Белинский. «Повесть о приключении английского милорда Георга» Матвея Комарова	7
Предуведомление	12
Часть первая	14
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Матвей Комаров

Повесть о приключениях английского милорда Георга

Предисловие

Комаров Матвей, «Житель города Москвы» – лубочный писатель XVIII в. Биографических сведений о нем не сохранилось. На основании его газетных объявлений, предисловий и посвящений к его книгам можно предположить, что он был крепостным и служил домоуправителем.

Главные произведения К.: «Обстоятельное и верное описание жизни славного мошенника и вора Ваньки-Каина и французского мошенника Картуша» (1779); «Повесть о приключениях английского милорда Георга и о Бранденбургской маркграфине Фредерике Луизе» (1782) и др. Для К. как лубочного писателя характерны его романы: «Ванька-Каин» – обработка анонимных биографий Ваньки-Каина, «Милорд Георг» – тоже обработка рукописной повести XVII в.: под названием «История о милорде Гереоне», и «Невидимка». Романы К. выдержали бесконечное количество изданий, особенно «Милорд Георг», который дожил без всяких изменений (лишь с некоторой модернизацией стиля) до XX столетия; последнее издание «Милорда» в 1918 г. было конфисковано.

К. вполне сознательно ориентировался на «низкого» читателя. «Ныне любезные наши граждане, – говорит он в преуведомлении к „Ваньке-Каину“, – не только благородные, но средней и низкой степени люди, а особливо купечество весьма охотно в чтении всякого рода книг упражняется». Потребителями К. были купечество, мещанство, дворовые, грамотные крестьяне. Творческий путь К. – от документального авантюрного «Ваньки-Каина» к контаминации авантюры и мотивов волшебных рыцарских романов и «1001 ночи» в «Милорде Георге» и «Невидимке».

Вместе с лубочной, или, вернее, с долубочной, литературой и близкой к ней средне-буржуазной группой М. Чулкова романы К. противопоставлялись придворной литературе, обслуживавшей узкую прослойку культурного дворянства. Позднее К. был прочно загнан в лубок, уже не имевший возможности конкурировать с высокой литературой, и его имя забывается историками литературы. Очень внимательно к Комарову в девяностых годах относился Лев Нико-

лаевич Толстой, изучал причины его успеха, считал его самым распространенным в России писателем и называл свои романы «Георгами».¹

¹ Литературная энциклопедия: В 11 т. – [М.], 1929–1939. Т. 5. – М.: Изд-во Ком. Акад., 1931.

В. Г. Белинский. «Повесть о приключении английского милорда Георга» Матвея Комарова

«О милорд английской, о великий Георг! ощущаешь ли ты, с каким грустным, тоскливым и вместе отрадным чувством беру я в руки тебя, книга почтенная, хотя и безмысленная! В то время, когда я уже бойко читал по толкам, хотя еще и не умел писать, в то время, когда еще только начиналось мое литературное образование, когда я прочел и „Бову“, и „Еруслана“ гражданскою печатью, и „Повести и романы господина Волтера“, и „Зеркало добродетели“ с раскрашенными картинами², – скажи, не тебя ли жадно искал я, не к тебе ли тоскливо порывалась душа моя, пламенная ко всему благому и прекрасному?.. Помню тот день незабвенный, когда, достав тебя, уединился я далеко, кажется, в огороде, между грядками бобов и гороха, под открытым небом, в лесу пышных подсолнечников – этого роскошного украшения огородной природы, и там, в этом невозмущаемом уединении, быстро переворачивал твои толстые и жесткие страницы, всею душою удивляясь дивным приключениям, такую широкою кистью, так могуче и красно изложенным... Задумался я, погрузившись сердцем в какое-то сладостное мечтание. Передо мною носился образ твоей прекрасной, о Георг, маркграфини, которая наполнила меня таким нежным, трепетным чувством удивления к своей дивной красоте и женственному достоинству, что, мне кажется, не посмел бы дотронуться и до рукава ее богатого платья!.. А ты, неистовый Георг, ты не только решился остаться ночевать с нею в одной комнате, но даже и напечатлеть на ее устах преступный поцелуй, за что она, пришед в великую свирепость, не то надавала тебе пощечин, не то велела отодрать тебя плетью на конюшне – не помню, право, а справляться некогда. И как любили тебя женщины, как навязывались они сами на тебя, о стократно счастливый милорд английской! И Елизабета, твоя обрученная, и маркграфиня, твоя возлюбленная, и королева арагеская, и королева гишпанская – сколько их, и все королевны!.. А ты, несчастный визирь турецкий, злополучный Марцимирис, помнишь ли ты, как сострадал я тебе, когда лукавый черт отбивал у тебя твою прекрасную жену, королевну сардинскую, Терезию? О, если бы попался тогда мне в руки этот дьяволенок, я бы показал ему, что ад-то не в аду, а у меня в руках!.. О, как я рад был, когда наконец наградилась ваша примерная верность, образцовые любовники, каких нет более в наш ветреный и, как уверяет какой-то журналист, в наш положительный, индустриальный, антипоэтический век³, в который поэтому уже невозможны ни „Милорды английские“, ни „Аббаддонны“... О милорд! что ты со мною сделал? Ты так живо напомнил мне золотые годы моего детства, что я вижу их перед собою; железная современность исчезает из моего сознания; я снова становлюсь ребенком и вот уже с биющимся сердцем бегу по пыльным улицам моего родного городка, вот вхожу на двор родимого дома с тесовою кровлею, окруженный бревенчатым забором... Вот от ворот до крыльца трехугольный палисадник, с акациями, черемуховым деревом и купою розанов. Вот и огород, которому со двора служат оградой погреб и другие службы, с небольшими промежутками частокола, а с остальных трех сторон – плетень. Вот и маленькая баня при входе в огород, даже и среди белого дня пугавшая мое детское воображение своею таинственною пустотою... а вот, возле нее, и стог сена, на котором я часто воображал себя то Александром Македонским, то Ерусланом Лазаревичем... вот он и весь огород, со своими грядками, со своими подсолнеч-

² «Бова Королевич» (1791) – лубочная сказка, «Еруслан Лазаревич» – русская народная сказка, «Повести и романы господина Волтера» – «Романы и повести г. Волтера». Пер. с французского. Ч. 1–5. М., 1805, «Зеркало добродетели» – «Зеркало добродетели и благонравия. Le miroir de la vertu, contenant des contes choisis, pour former le coeur et l'esprit de la jeunesse». 4. 1–2. М., в тип. Н. С. Всеволожского, 1815–1816 (автор – немецкий писатель Иоганн Эфраим Кейль – установлен по одноименному изданию 1811 г.).

³ Имеется в виду Полевой. Далее упоминается его роман «Аббадонна».

никами, которые через его плетень дружелюбно наклонили свои густые ветви. А в доме – там нет ни комнаты, ни места на чердаке, где бы я не читал или не мечтал, или позднее не сочинял. Пойдите, я поведу вас. Но, милорд, что ты со мною сделал?.. Какая кому нужна до моего детства?.. Я мечтаю, а надо мною смеются – и всему этому виноват ты.» – и пр. и пр.

Вот и извольте всегда быть беспристрастным! Нет, нельзя быть беспристрастным: беспристрастие – добродетель сухая, мертвая, чиновническая! Вам смешон, нелеп, глуп «Милорд английской», а нашему доброму приятелю, из записок или рукописных «мемуаров» которого мы выписали вышеприведенное место (и решились на выписку, потому что эти мемуары, вероятно, никогда не будут изданы)⁴, этому приятелю нашему он мил, любезен, дорог – он напоминает ему такое время, о котором этот не может вспомнить без слез умиления и сердечной тоски. Да и сколько наслаждения доставлял милорд, вероятно, многим и многим во время оно! И одно ли наслаждение? – Нет, и пользу: через него многие впервые узнали, какая была прежде вера у английских милордов... Мы не скроем от вас этого и охотно поделимся с вами знаниями, которые мы приобрели из этой книжицы: у английских милордов вера была сперва языческая или баснословная, что можно узнать, во-первых, по следующему вступлению в повесть: «В прошедшие времена, когда еще европейские народы не все приняли христианский закон, но некоторые находились в баснословном языческом идолослужении, случилось в Англии с одним милордом следующее странное приключение». Потом это видно из приложенного при конце повести реестра древних языческих богов и богинь, из которых, например, Сатурн описывается так: «Старший из всех богов у язычников почитался Время, названное Сатурном, которого изображают с крыльями на плечах, держащего в руке косу, на голове песочные часы, и будто он поедал всех своих детей, кроме оставшихся Юпитера, Нептуна и Плутона»⁵. Реестр богов и богинь заключен следующим глубоко премудрым замечанием: «Вот какими нелепостями наполнена была древность, и всего еще удивительнее, что в тогдашние времена, как у греков, так у римлян, были великие разумники, но всему (в издании прошлого года сказано: „всему оному суеверию“) суеверию слепо и безрассудно верили».

На странице, второй после заглавного листка, красуется таковой эпиграф:

*Счастье подобно как прекрасный цвет,
Который между терниями растет;
Если станешь срывать неосторожно,
То скоро оным уколоться можно.*

Знаете ли, кто автор этих бесподобных стихов? – Все он же, все «Матвей же Комаров, житель города Москвы». «А кто таков сей Матвей Комаров?» – спрашиваете вы. Лицо столь же великое и столь же таинственное в нашей литературе, как и Гомер в греческой: имя его и место жительства известны, но где он родился, обстоятельства его жизни совсем неизвестны. Знают некоторые по именам и его сочинения, но никто не знает цены его сочинениям и немногие читали их, а между тем они разошлись едва ли не в числе десятков тысяч экземпляров и нашли для себя публику немногочисленнее, нежели «Выжигины» гг. Булгарина и Орлова. Сочинения эти следующие: «Повесть о приключениях английского милорда Георга», «История французского мошенника Картуша» и «Обстоятельное и верное описание жизни славного российского мошенника Ваньки Каина»⁶. Когда жил Матвей Комаров, житель города Москвы? –

⁴ Цитированные строки из «мемуаров» принадлежат самому Белинскому и имеют автобиографический характер.

⁵ Эта и следующие цитаты – из повести М. Комарова.

⁶ «Обстоятельные и верные истории двух мошенников: первого – российского славного вора, разбойника и бывшего московского сыщика Ваньки Каина..., второго – французского мошенника Картуша и его сотоварищей» впервые вышли в Петербурге в 1779 г., затем неоднократно переиздавались. Позже обе истории разделились и издавались самостоятельно по несколько раз.

Вот интересный вопрос, которого, к сожалению, не решает собственноручное к «Английскому милорду» предуведомление самого автора, обращенное к «благоразумным читателям и любезным согражданам», потому что под этим предисловием не выставлено года и месяца. Когда-нибудь мы, позапасшись фактами, познакомим публику с Матвеем Комаровым и его сочинениями поподробнее, а теперь о нем самом скажем только, что это предостолоубезнейший в мире человек. Не угодно ли вам узнать, для чего сочинил он «Английского милорда»? Он вот что говорит об этом в своем предисловии:

«Я труды моего пера не с тем выпускаю в публику, чтоб чрез то заслужить себе авторское имя; ибо я не хочу уподобиться безрассудному афинейскому Герострату, который для того только сжег славной в числе семи древних чудес почитающийся Дианин храм (в самую ту ночь, как родился Александр Великий), чтоб тем сделать имени своему бессмертную память; но мое намерение единственно состоит в том, чтобы показать обществу хотя малейшую какую ни есть услугу и не проводить бы время моей жизни в праздности, последуя в том словам одного знатного нашего стихотворца, который говорит:

*Без пользы в свете жить,
Напрасно землю лишь тягчить...»*

А вот вам доказательство примерной скромности почтенного «жителя города Москвы»:

«Что же принадлежит до критики, то хотя я и знаю, что иногда и самые искусные писатели нередко оной подвержены бывают, а мне уже, как человеку ничему не ученому, избежать от того очень будет трудно; и потому воображается мне, что, может быть, некоторые скажут: «Не за свое де он принял дело!» Однако ж я все сие предаю на рассуждение благоразумных читателей, потому что всякую вещь кто как понимает, тот так об оной и заключение делает, а многие иногда и для того чужие дела критикуют, что авторовы мысли им непонятны. Но я как к тем, так и к другим пребуду навсегда с должнейшим, да и ко всякому читателю с моим почтением, всепокорнейшим слугою,

*Матвей Комаров,
житель города Москвы».*

Судьба книг так же странна и таинственна, как судьба людей. Не только много было умнее «Английского милорда», но были на Руси еще и глупее его книги: за что же они забыты, а он до сих пор печатается и читается? Кто решит этот вопрос! Ведь есть же люди, которым везет бог знает за что: потому что ни очень умны, ни очень глупы. Счастье слепо! Сколько поколений в России начало свое чтение, свое занятие литературою с «Английского милорда». Одни из сих людей пошли дальше и – неблагодарные – смеются над ним, а другие и теперь еще читают его себе да почитывают! Вот уже, кажется, это третье издание, третье с 1837 года, на котором, на обороте заглавного листка, под цензурным одобрением, стоит уведомление: «Печатано с издания 1834 года без исправления». И издание 1839 года – девятое! Когда же было первое издание? – В каталоге Логинова⁷ «История Картуша» означена 1794 годом, следовательно, сорок четыре года назад; к тому же времени должен относиться и «Английский милорд». Жив ли его автор? Он ли беспрестанно издает вновь свое великое творение, или им пользуются книжные промышленники? «Все это вопросы важные», – сказал бы человек с «высшими взглядами»⁸.

Книжица украшена портретом английского милорда Георга: какая-то рожа в парике и костюме времен Петра Великого. Сверх того, к ней приложены четыре картинки: это уж даже

⁷ Каталог Логинова – «Роспись российским книгам для чтения из библиотеки Василия Васильева Логинова». М., 1837.

⁸ Подразумевается Полевой, который писал в статье «Несколько слов о русской драматической словесности (Письмо к Ф. В. Булгарину)»: «Все это вопросы важные, и, может быть, да и кажется наверное, мы умрем, не решивши их» («Сын отечества», 1839, № 4, отд. IV, с. 111).

и не рожи, а бог знает что такое. Вот, например, на первой изображен под чем-то похожим на дерево какой-то болван с поднятыми кверху руками и растопыренными пальцами; подле него нарисована деревянная лошадка, а у ног две фигуры, столько же похожие на собак, сколько и на лягушек, а под картинкою подписано: «Милорд от страшной грозы кроется под дерево и простер руки, просит о утолении бури». Сличите эти картинки всех изданий – и вы ни в одной черточке не увидите разницы: они оттискиваются на тех же досках, которые были вырезаны еще для первого издания. Вот что называется бессмертием!..

1839 г.

Предуведомление

*Счастье подобно как прекрасный цвет,
Который между терниями растет:
Если станешь срывать его неосторожно
То скоро оным уколется можно.*

Благоразумные читатели, любезные сограждане!

Будучи, я уверен, что напечатанная в 1779 году, вместе с историею французского мошенника Картуша, сочинения моего книжка, обстоятельное и верное описание жизни славного российского мошенника Ваньки Каина, также и первое издание сей повести, от многих любителей чтения книг приняты благосклонно, чего ради в знак искренней моей за сие благоприятие благодарности, принял намерение издать ныне сию книжку четвертым тиснением, с приобщением к оной приличных гравированных кунштов и портрета, уверяя притом, что я труды моего пера не с тем выпускаю в публику, чтоб чрез то заслужить себе авторское имя, ибо я не хочу уподобиться безрассудному афиней-скому Герострату, которой для того только сжег славный в числе семи древних чудес почитающийся Дианин храм (в самую ту ночь, как родился Александр Великий), чтоб тем сделать имени своему бессмертную память, но мое намерение единственно состоит в том, дабы доказать обществу хотя малейшую какую ни есть услугу и не препроводить бы время моей жизни в праздности, последуя в том словам одного знатного нашего стихотворца, который говорит:

Без пользы в свете жить,
Напрасно землю лишь тягчить.⁹

Но как в сей книжке упоминаются многие баснословные языческие боги и богини, о которых не всякий читатель имеет сведение, то и рассудилось мне в конце сей повести сообщить о том мифологическое известие. Что же принадлежит до критики, то хотя я и знаю, что иногда и самые искусные писатели нередко оной подвержены бывают, а мне уже, как человеку ничему не ученому, избежать от того очень будет трудно, и потому воображается мне, что может быть некоторые скажут: «не за свое де он принялся дело», однако ж я все сие предаю на рассуждение благоразумных читателей потому, что всякую вещь, кто как понимает, тот так об оной и заключение делает, а многие иногда и для того чужие дела критикуют, что авторовы мысли им непонятны. Но я как к тем, так и к другим пребуду навсегда с должнейшим, да и ко всякому читателю с моим почтением, всепокорнейшим слугою,

*Матвей Комаров,
житель города Москвы*

⁹ Александр Петрович Сумароков (1717–1777).

*Милордъ отъ страшной грозы крыется подъ
деревомъ и проситъ руки просить о утишении бури*

Часть первая

Повесть о приключении Георга, английского милорда, и о бранденбургской маркграфине Фридерике Луизе

В прошедшие времена, когда еще европейские народы, не все приняли христианской закон, но некоторые находились в баснословном языческом идолослужении, случилось в Англии с одним милордом следующее странное приключение.

Среди самого прекраснейшего дня в один час темная туча покрыла чистое небо. Облака, как горы, ходят и волнуются, подобно черному морю, от жестокого ветра, гром, молния, град, дождь и сильная буря, соединясь вместе, во ужас всех живущих на земле приводили. Все бегали, искали своего спасения: старые воздевали руки на небо, просили богов об отпущении грехов, младые вопиют и укрываются под кровы, жены и девицы со плачем и воплем входят в храмины и затворяются, земледельцы в полях не обретали своего спасения.

Молодой английский милорд Георг, будучи в сие время со псовой охотою на поле, при-
нужден был от страшной сей грозы искать своего спасения в лесу, но и сей был от него в отдаленности, однако ж увидел он в стороне одно кедровое дерево, – прискакав к оному, остановился.

Но от дождя и граду, и от сильных громов, и от жестокой молнии укрыться под оным не может, становится на колени, простирает руки свои к небу, просит Юпитера об утолении сего гнева.

Наконец, по нескольких часах, ужасная сия гроза утихла, а день стал уже приближаться к вечеру.

Милорд, севши на лошадь, хотел ехать домой и, оборотись в одну сторону, увидел недалеко от того дерева лежащего под кустом зайца, который, тотчас вскочив, побежал в поле.

Бывшие же с милордом собаки, бросившись за ним, так близко к нему прилезли, что из спины шерсть с кровью вырывали. А заяц, оторопев, вертелся между собаками, и милорду казалось, что они верно его поймают.

Но заяц, приблизясь к одному острову, вдруг от собак удалился, – за которым вслед милорд, как горячий охотник, хотя и скакал во всю пору, однако из глаз своих его потерял.

А въехавши на остров, увидел своих собак всех в крови, которые с превеликою злобою лают, рвут траву и дерут землю, отчего он и отбить их не может. Но вдруг, отдавшись от того места, опять поскакали, бросаясь то в ту сторону, то в другую, подобно как бешеные, а за ними умножался кровавый след, только от чего и на что они лают, и за чем скачут, ничего приметить было не можно. И так из виду глаз его ускакали.

Милорд, по обыкновенной охотнической страсти, скакавши без всякого рассудка, забыл, что за ним ни одного человека не было, ибо все охотники во время грозы, собирая рассеянных по полю собак, разъехались по разным местам, – и так он, езда по острову, искал своих собак и подавал охотникам в рог голос, но тщетно было его старание, потому что они, искав немалое время своего господина, подумали, что он от бывшей грозы прежде них уехал, чего ради и они все возвратились домой.

Между тем временем солнце светлые свои лучи уже скрывать стало, а приятная луна начинала показываться на горизонте, и звезды по чистому небу блеск свой испускали.

Милорд, хотя и не робеет, однако ж, заехавши очень далеко и находясь один в пустом месте, и не нашед своих собак, не знал, что делать, но наконец вздумал еще их искать и, отъехав немного, увидел одну английскую свою суку мертвую – обе передние у ней ноги переломаны и вокруг ее множество крови. Думал он, что как-нибудь она убилась, потом немного подалее

наехал на полового¹⁰ кобеля, пополам перерванного. От сего пришел он в сомнение, потому что, кроме одного зайца, никакого зверя не видал, а собаки его умерщвлены чудным образом. Отъехав несколько еще, усмотрел любимую свою суку без головы, подбитую под корень одного дерева, от которого и прошел в лес немалый кровавый след.

От сего странного приключения перестал уже он как охотник думать и печалиться о потере своих собак, но пришел в великий страх, – не мог понять, от чего сие происходило, однако ж, укрепив себя рассудком, отважился тем кровавым следом ехать далее, любопытствуя, не может ли еще чего увидеть, ибо оный след за происходящим от месяца светом и многой крови, потерять было не можно.

И так по сему следу нечувствительно заехал он в превеликий густой лес, по которому, ездивши почти всю ночь, не знал, куда выехать, и лошадь свою так утомил, что едва она могла идти. Сие отняло у него последнюю смелость, тут начал он приходить в отчаяние, потому что заехал в незнаемый великий и почти непроходимый лес, в котором от лютости зверей мог быть подвержен великой опасности, а к обороне своей ничего при себе, кроме одного охотничья ножа, не имел, и за утомлением лошади никак далее ехать ему было не можно.

В сих печальных размышлениях до тех пор он находился, как уже солнце опять стало показываться на горизонте, и небо, как яхонт голубого цвета, представлялось глазам его, по которому текущие тонкие и прозрачные облака обещали ясную и приятную следующего дня погоду.

Через сие осияние, лес впереди него стал казаться гораздо реже, сквозь который видно было чистое место. Направил он туда свою лошадь, выехал на небольшой, с редкими лавровыми деревьями луг, на котором произрастали различные прекраснейшие цветы, от которых происходило великое благоухание, и показывали приятнейший вид.

Милорд не инако о сем прекрасном месте думал, что оно нарочно уготовано богинею Церерою для чистейшей богини Дианы, когда она приходит утружденная с ловитвы со своими нимфами для сладкого покоя. Веселясь сим прекрасным местом и смотря на растущую на том лугу ровную и густую траву, наслаждался благоуханием, происходящим от различных цветов, с великим удовольствием.

Но как он всю ночь препроводил без сна, а обыкновенно на утренней заре лучший и приятный бывает у человека сон, особливо же по претерпении великого беспокойства, то сон его так стал одолевать, что едва мог сидеть на лошади, – чего ради принужден он с лошади слезть и, привязав ее к одному дереву, сам лег под тенью оною, на зеленой и густой траве, спать.

А как довольно выспался, то, вставши, ходил по сему прекрасному лугу, рвал цветы и плел из них венки, который хотел отвезти в презент к своей невесте, за превеликую диковинку, ибо он думал, что в Лондоне и в королевском саду таких цветов не было. Только не знал, в которую сторону ему из лесу выехать, и для того принужден был влезть на одно дерево (нужда всему научит), и, смотря с оною, увидел недалеко от того места небольшую редкую и подчистенную рощу, от которой по перспективой¹¹ дороге, усаженной разными деревьями, виден был преогромный каменный, удивительной архитектуры, дом.

Увидевши сие, пришел он в удивление, рассуждая, какому бы в таком пустом месте быть дому; чего ради и принял намерение для любопытства туда ехать.

И, севши на свою лошадь, приехал прямо к воротам того дома, у которых прикованы были на железных цепях два превеликие свирепые льва, испускающие преужасный рев, и бросались один на другого, но за короткостью цепей сразиться между собою не могли.

¹⁰ Половой – бледно-желтый.

¹¹ Перспективная – прямая.

Любопытство милорда столь было велико, что он, презирая видимую от сих лютейших и дышащих злобою зверей опасность, вознамерился проскакать на двор и, так ударивши свою лошадь шпорами, пустился во всю пору. Но от лютости сих зверей ускакать не мог, ибо как скоро против них поравнялся, то они, во мгновение ока ухватив, его лошадь растерзали, а он, свалясь с лошади, так скоро и легко на двор откатился, как бы сильным ветром его от лютости сих зверей отбросило.

Тут познал он безрассудное свое, от любопытства происходящее, дерзновение. И, вставши с земли, не знал, которым богам приносить благодарность, за спасение своей жизни.

Но при том немало удивлялся, что как на дворе, так и в открытых у палат окнах, не видно было ни одного человека; чего ради пошел он прямо к палатам – и вошел в сени, в которых пол устлан был коврами, стены обиты разноцветными ткаными обоями, а лестница устлана самым лучшим алым сукном, по которому он идти не осмелился, а пошел вверх по стороне лестницы, и вошел в пребогато меблированный различными драгоценными уборами зал, посреди которого накрыт был на восемнадцать приборов стол. А в прочие покои все двери были отворены, и чрез несколько комнат в одной горнице стояла бархатная малиновая, с золотым галуном¹², кровать. По всем имеющимся в том доме богатым уборам надобно было думать, что сей дом принадлежал какому ни есть королю или знатному принцу.

Только людей ни одного человека не было, чего ради он во внутренние покои идти и не осмелился, но вышел опять в сени – хотел стать и дожидаться, не может ли кого увидеть и обо всем осведомиться.

Но только вышел он в сени и взглянул к воротам, то увидел подъезжающую к оним одну карету цугом¹³. И прикованные у ворот злобные львы тотчас пошли в места назначенные для их покою.

Карета, въехав на двор и не доезжая немного до крыльца, остановилась, из которой вышла преизрядная собою дама. Милорд, видя сие, рассудил за лучшее сойти вниз и ее встретить. Дама, увидевши его, поклонилась ему и остановилась.

Потом въехала на двор другая карета, пребогато убранная – как шорами на лошадях, так и ливреей¹⁴ на лакеях, и, подъехав к самому крыльцу, остановилась, и вышла из нее одна же дама, в белом платье, такой неописанной красоты, что милорд от робости не смел на нее прилежно смотреть и стоял как изумленный. Дама сия, взглянув на него свирепым видом и не сказав ни слова, пошла прямо по сукну вверх.

Потом еще приехали пять карет цугами, в каждой сидело по три дамы. И, подъехав к крыльцу и вышед из карет, равным же образом поклонясь ему, следовали за первой, а последняя из них сказала ему, чтоб изволил идти в покои маркграфини.

Милорд, не ответствуя ничего, но поклонясь с учтивостью и страхом, пошел за ними.

В сие время пришла ему на память невеста его Елизабета, о которой он думал, что подобной ей в красоте сыскать не можно, но из сих семнадцати дам самая последняя ее превосходила, а маркграфиню почитал уже он не иначе как богинею, а не человеком, только не знал, кто она такова и в каком он месте находится.

В таких размышлениях вошел он в преждевиденную им залу, в которой уже находилось человек до двадцати лакеев и официантов, в пребогатом платье, из которых один, подошед к нему, с учтивостью сказал, чтоб он изволил идти в аудиенц-камеру.

Милорд, последовав за ним, вошел в пребогато убранную горницу, которая обита золотым глазетом¹⁵, с вырезанными из парчи разных цветов букетами. Посреди оной стоял сделан-

¹² Галун – расшитая золотом, серебром, цветной мишурой тесьма или лента.

¹³ Цуг – вид упряжки, в которой лошади идут гуськом или парами, одна за другой.

¹⁴ Ливрея – форменная одежда для слуг.

¹⁵ Глазет – золотая или серебряная парча с шелковой основой.

ный из самого чистого мрамора трон, над которым балдахин из зеленого бархата, пребогато вышитый золотом.

На оном троне сидела маркграфиня, а по правую сторону трона стояли шестнадцать прекраснейших девиц в одинаковом пурпурового цвета платье.

Как скоро он вошел в сию комнату, то маркграфиня встретила его следующими словами:

– А! Господин милорд, я вас очень давно желала видеть, но никаким способом до сего времени случая не имела, а теперь вы и сами, незваные, ко мне приехали, только не знаю, с какими глазами и совестью могли вы предо мною показаться, – и, оборотясь к своим фрейлинам, сказала: – Вот тот-то английский-то милорд, спесивый жених, который из двенадцати во всем свете славных портретов, которых я могу назвать моими приятельницами, ни одной себе в невесты не только не удостоил, но ни одна из них без ругательства не осталась, – и, оборотясь опять к милорду, говорила: – Вы, сударь, не думайте, чтоб я за их обиду вам не отмстила; а притом поздравляю вас по выбору вашему с невестою, и уверяю, что вы своим выбором так ошиблись, что она против обруганных вами ни одной их ноги не стоит, а только в том пред ними имеет преимущество, что чрез три месяца по женитьбе вашей можно будет вас поздравить с сыном или дочерью.

Слышавши сие, милорд пришел в великое сомнение и не мог понять, почему сия маркграфиня обо всем том могла ведать, ибо рассуждение о портретах было только при трех персонах, и на тех столько он был надежен, как сам на себя, притом же, и видя его в первой раз, и не спросив, кто он таков, знает, как зовут, и обо всех его делах известна.

Все сие приводило его в чрезмерное удивление, почему и не осмелился уже он никакого в том пред нею приносить оправдания, а вознамерился открыть самую истину, чего ради и отвечал ей:

– Милостивая государыня, я осмелюсь о помянутых вами двенадцати портретах донести, что я говорил о них не в поношение их чести, но по принуждению моей сестры и тетки, которые, выбирая мне невесту, показывали те портреты, а я, не имея еще тогда намерения жениться, говорил о них для того, чтоб они меня больше к женитьбе не принуждали. А что теперь, по несчастью моему, имею невесту, то сия не по выбору моего желания, но по провидению богов дана мне от короля моего государя, и ежели она действительно такого состояния, как вы объявлять изволите, то я желаю лучше лишиться жизни, нежели по трех месяцах моей свадьбы сносить ругательное поздравление.

И выговорив сие, стал пред маркграфиней на колени. Она, видевши сие, сошла тотчас с трона и, подняв его за руку, сказала:

– Милорд, вы ничем другим, как только истинным признанием, спасли жизнь свою от справедливого моего гнева, ибо я никак не думала, чтоб такой честный и разумный английский милорд мог поносить честь дамскую. Разве вы не знаете, что богиня Диана, яко хранительница честности, за сие без отщепенения не оставляет? Однако ж я вам теперь все прощаю, а желаю ведать, знаете ль вы, где теперь находитесь и с кем говорите?

– Ваше Величество, – отвечал милорд, – я слышал от ваших фрейлин, что они именovali вас маркграфиней, а больше ничего, по нечаянному моему сюда прибытию, не ведаю, и где нахожусь, ничего того не знаю.

Маркграфиня, усмехнувшись, сказала:

– Я Фридерика Луиза Бранденбургская, вдовствующая маркграфиня.

– Ваше Величество, – говорил милорд, – я, еще будучи в школе, о красоте и премудрых ваших делах довольно читал в одной итальянской книге.

*Милордъ рассказываетъ Маркграфинѣ
какимъ образомъ пріѣхалъ въ Домъ.*

Маркграфиня пожаловала его к руке и, оборотись к своим фрейлинам, сказала:

– Я думаю время уже кушать.

И пошла в зал, и милорду приказала идти за собою, и посадила его за стол подле себя, а прочие вокруг них сели.

Во время стола маркиграфиня разговаривала с милордом о разных материях с великой приятностью, а по окончании стола, взяв его за руку, повела в свою спальню и, посадив подле себя на кровать, говорила:

– Вы очень меня одолжите, если расскажете мне, каким образом вы из Лондона отлучились и сюда заехали?

– Ваше Величество, – отвечал милорд, – я, видевши высочайшую вашу к себе милость, за великое буду почитать счастье, что удостоюсь объявить вам не только странное вчерашнее со мною приключение, но всю историю с начала моей жизни.

И стал сказывать следующими словами:

– Когда судьба лишила меня любезнейшего моего родителя Ирима, то я остался после него, в самых еще младенческих летах, под охранением моего дяди Христофора, родного брата моего родителя, матери же моей я нимало не помню. Сей мой дядя принял меня в свое покровительство, такое обо мне имел попечение, как бы и о родном своем сыне. Но, к несчастью моему, и он по соизволению королевскому назначен был для некоторого секретного дела полномочным министром в Константинополь, почему и рассуждал он, что со мною делать: оставить меня одного в доме моего родителя в таких младенческих летах почитал за невозможное, опасаясь, чтоб я в самом ребячестве не сделал привычки к худым делам, также и к себе взять в дом не имел способа, потому что он жены у себя не имел, а только были у него две дочери – большая, именем Люция, семнадцати, а другая, Филистина, пятнадцати лет, – о которых он также немало беспокоился, что они в таких молодых летах остаются без всякого покровительства, рассуждая, что как бы ни были добродетельны его дочери, но, живя одни в доме, никак не могут остаться от бездельников без поношения чести.

Но наконец, по многих печальных, колеблющих его мысли, рассуждениях, решился он оставить меня в доме моего родителя под присмотром одного из наших служителей – добродетельного человека именем Франц, который прежде того, по некоторому неправильному от его неприятелей доносу, сослан был в наши маестности (ибо обыкновенно бездельники всегда добрых людей ненавидят). И при том призвал одного из славных в Лондоне учителей, именем Иоганн, договорился с ним, чтоб он принял меня к себе в школу, для учения по склонности моей разным наукам, и просил его, чтоб он прилежнее обо мне имел попечение, обещая ему по возвращении своем из Константинополя, учинить сверх договорного числа довольное награждение. Дочерей же своих оставил в своем доме под присмотром родной их тетки Маргариты. И хотя он к правлению своего дома имел верного и надежного человека, однако ж приказал ему, чтоб он обо всем докладывал большой его дочери Люции и ничего бы без позволения ее не делал. Таким образом, учредив в своем доме все порядки и дав дочерям своим надлежащие наставления, и простясь с нами с пролитием немалых слез, предпринял путь свой в Константинополь.

И так я, лишась покровительства любезного моего дяди, остался в самых еще младенческих летах под смотрением помянутого моего дядьки Франца, а как обыкновенно все дети больше имеют охоты и склонности к резвостям и шалостям, нежели к наукам, то сей разумный и добродетельный человек умными своими разговорами и прилежностью так меня нечувствительно от резвостей детских отвратил и приучил упражняться в науках, что я хаживал в школу с такою охотою, как бы в какую веселую компанию, и книги мне казались вместо приятной музыки. А когда я возвращался из школы домой, то сей мой дядька рассказывал мне разные нравоучительные истории и толковал, как мне должно обращаться в свете.

Я смело могу сказать, что как ни славен был учитель мой Иоганн, но он не мог столько вселить в меня добродетели и хорошего поведения, как сей мудрый дядька. Он с такою прилеж-

ностью и рачением наблюдал все мои поступки, что ни на один час от меня не отлучался, и без себя ни одного человека из моих людей ко мне не допускал, опасаясь, чтоб они не могли иногда при мне произносить каких пустых и непристойных слов, как то обыкновенно при молодых господах бывает, почему и учитель мой поведением моим и прилежностью к наукам очень был доволен, и не только чтоб на меня за леность и худые поступки кричать, но всегда меня пред всеми моими товарищами хвалил и часто говаривал, что у него никогда еще такого прилежного и понятного ученика не бывало.

Но сия его похвала была мне иногда не очень приятна, потому что он же обучал нашу принцессу Иринию, чего ради нередко прихаживал к нам в школу сам король с королевой, и когда случался у них разговор о науках, то учитель мой и при их Величествах часто упоминал обо мне с такой похвалой, какой еще во мне и не доставало, и говорил, что он такой острой к понятию наук головы еще не видывал. И чрез то такое обо мне вложил королю хорошее мнение, что он приказал одному из своих придворных, когда я буду во дворце, всегда обо мне ему докладывать. И хотя я тогда был еще очень молод, но, по дозволению королевскому, во дворец в торжественные дни, в маскарады и на куртаги¹⁶ хаживал.

И в один день, будучи я во дворце, король, увидевши меня, изволил сам ко мне подойти и, пожаловав меня к руке, несколько со мною разговаривал, и я ему так понравился, что он приказал своей принцессе Иринии взять меня танцевать. Я, протанцевавши с нею один менуэт, поднял еще одну девицу, которая близко подле меня прилучилась и о которой после я сведал, что она дочь королевского гофмаршала¹⁷, именем Елизабета, нынешняя моя невеста, только мне в то время примечать ее ни малой нужды не было, для того что я, по молодости моих лет, ни малого намерения к женитьбе не имел.

Король, смотря на наши танцы, очень меня хвалил и приказал мне, чтоб я в праздничные дни, когда не учатся в школе, всегда ездил во дворец и старался бы с прилежностью продолжать мои науки, обнадеживая меня своею милостью. Я, по приказу королевскому, во дворец хотя и ездил, но очень редко, ибо любезный мой дядька как бы нечто предчувствовал, что часто меня туда не отпускал.

Но, к несчастью моему, по прошествии трех лет после отъезда моего дяди в Константинополь, и сей добродетельный муж, будучи семидесяти лет, скончался, – которого я лишась, не меньше о нем сожалел, как о моем родителе, и столько плакал, грустил и рвался, что доходил до беспамятства, отчего пришла ко мне жестокая горячка, от которой принужден был четыре недели лежать в постели. Сестры мои, Люция и Филистина, во время моей болезни очень часто меня навещали, а притом уже и служители мои во всякое время имели ко мне в спальню свободной вход, и все, что им рассудилось, вольно со мною для моего увеселения разговаривали, чего прежде при любезном моем Франце никак сделать не смели.

Между тем в одно время пришел ко мне один из моих приятелей, именем Мералий. Он был одного дюка¹⁸ сын; мать его, по горячей к нему любви, держав при себе до девятнадцати лет, так избаловала, что он от праздности такую ко всем худым делам сделал сильную привычку, что иногда и сам видел некоторые в себе пороки, но никак уже от оных отстать не мог и признавался, что оные в него вселились по большей части от чрезмерной матерней любви. И хотя отец его, усмотрев в нем худое воспитание, отдал его для исправления к учителю, но сие было уже поздно.

Сей Мералий пришел ко мне и, разговаривая со мною, спрашивал меня, чем я забавляюсь. Я ему отвечал, что, ли-шась любезного моего дядьки, и всех забав лишился, и ничего теперь, кроме печали, не имею – ежели и есть утешение, так только мои книги.

¹⁶ Куртаг – приемный день в королевском дворце.

¹⁷ Гофмаршал – придворный чин, в ведении которого находилось дворцовое хозяйство.

¹⁸ Дюк – герцог.

– Это для молодого человека очень скучно, – говорил Мералий.

А я ему отвечал:

– А для меня всего веселее.

– Нет, – продолжал Мералий, – молодого человека ничто так веселить не может, как Амур, и сия наука так легка и понятна, что без учителя в самое короткое время обучиться можно.

– А для меня, – отвечал я ему, – кажется всего мудренее и бесполезнее, потому что, во-первых, чрез сие может человек лишиться тех наук, которые молодого человека могут привести к славе и чести, во-вторых, надобно оное содержать в великой тайности, чтоб никто не мог о том ведать, дабы чрез то не лишиться честного имени, в-третьих, в таковых делах человек подвержен великой опасности в потере своей жизни, в-четвертых, благородную любить без великого страха никак не можно, а подлую, которая любить будет из одного интереса, то от того получишь бесчестную славу.

– О милорд! – говорил мне Мералий. – Я вижу, что вы очень деликатны и разборчивы, а для меня так все равно, какая бы ни была любовница, благородная ли, или подлая, я этого не разбираю.

Маркграфиня, при сих словах прервав милордову речь, сказала:

– Возможно ли стать, чтоб у благородного человека была такая безрассудная имажинация¹⁹?

– Извольте выслушать, Ваше Величество, – говорил милорд. – Я ему отвечал, что я и по выбору никакую еще по моим летам любить не хочу, а он мне на сие сказал:

– Видно, братец, что вы еще любовных дел не знаете или не имеете в том счастья, потому так и рассуждаете.

– Пожалуй, – говорил я ему, – прекратим сей разговор, а лучше будем говорить о чем-нибудь другом, чтоб мне не так было скучно.

– Да о чем же? – сказал Мералий. – Ежели говорить о науках, они мне и в школе довольно наскучили.

– А для меня, – сказал я ему, – всего приятнее.

– Дайте же мне посмотреть свою руку, – говорил Мералий.

Я тотчас подал ему руку, и он, смотря мне на руку, сказал:

– Вы мне теперь запрещаете говорить о любви, а я вам по моей хиромантической²⁰ науке объявляю, что хотя вы теперь у себя никакой любовницы и не имеете, но чрез четыре года очень много от любви будете странствовать и будете иметь себе одну девицу невестою, но, не женись на ней, другую весьма знатную и прекрасную особу с великой честью своего благополучия в невесту себе получите, чрез которую боги обещают вам быть великим человеком, только при том с великою осторожностью и рассуждением вам поступать надобно, потому что, ежели вы хотя малое какое ни есть сделаете в то время преступление, то будете чрезмерно несчастливы, и сие вам сказываю в память моего имени. Однако я думаю, – сказал Мералий, – что я вас моими разговорами несколько обеспокоил, прошу прощенья.

Я, благодаря его за посещение, просил, чтоб он и впредь меня не оставлял.

По нескольких днях, как я совсем от болезни моей освободился и стал ходить в школу, то в одно время, идя с Мералием домой, зашли ко мне, и только стали пить чай, вошел ко мне камердинер²¹ и сказывает, что сестры мои прислали лакея звать меня к себе. Я приказал им сказать, что тотчас буду, и, оборотясь к Мералию, говорил: «Ежели вам не противно, то прошу сделать компанию вместе со мною», – на что он с охотою согласился.

¹⁹ Имажинация – воображение, фантазия, представление.

²⁰ Хиромантия – гадание по руке.

²¹ Камердинер – слуга при господине в богатом доме.

Приехав к своим сестрам, спрашивал я у Люции, зачем она до меня присылала. Она мне показывала полученные из Константинополя от отца своего, а моего дяди письма, в которых было нечто и для меня нужное.

Между тем приехала к ней одного нашего генерала дочь, именем Анна-София, с тремя девицами, своими приятельницами, и по нескольких разговорах сестра моя приказала подать карты. И, разобравшись партиями, сели играть: я, Люция и Анна-София в ломбер, а сестра Филистина, Мералий, Кристина, дочь португальского доктора, и Доротея-Луиза в кадрили²².

Анна-София, играя в карты, очень пристально на меня смотрела и, наклонясь к Люции на ухо, спрашивала обо мне:

– Как, матушка, мне кажется, я сего кавалера видала, только не знаю – где.

Люция, усмехнувшись, отвечала:

– Это Георг, мой двоюродной брат.

– Ах, матушка, – говорила Анна-София, – я его не узнала, как он пред прежним стал хорош.

Я, видя, что они шепчут, привстав немного с кресел и усмехнувшись, сказал:

– Не подозрителен ли я, сударыни, вашим разговорам?

– Нет, братец, – отвечала Люция, – Анна-София вас не узнала и спрашивает, кто вы таковы и что она вас видала, да только не помнит где.

Я на сие отвечал:

– Я, сударыня, с покойным моим родителем бывал у вашего батюшки.

– Простите, сударь, мне, – говорила она, – я, ей-ей, вас не узнала. И, ежели смею просить, чтоб с сестрицей вашей меня своим посещением удостоить, – и, выговорив сие, очень покраснелась.

А я отвечал ей:

– Я, сударыня, за великое почту счастье, ежели вам низжайшее мое почтение будет не противно.

Потом, играя в карты, случилось мне у ней одну игру перебить, и сделался у нас в том маленькой спор, при чем она с великою стыдливостью, будто бы в шутку, сказала:

– Я, сударь, во многих компаниях о чести и остроте вашего ума слыхала, а теперь вижу, что вы ни малой учтивости даме сделать не хотите.

Я отвечал ей:

– Ежели вам, сударыня, то надобно, то я в угодность вашу, а не по правилу ломбера, могу сказать, что вы в том правы, только опасаюсь, чтоб после вы не могли назвать меня лжецом.

Она, взглянувши на меня, сказала:

– Ах, какие это глаза, я еще отроду таких глаз ни у кого не видывала.

– Сударыня, – отвечал я ей, – я еще по сие время и сам про свои глаза не знал, что они у меня не такие, какие у прочих. Да что ж вы изволили в моих глазах приметить? Я бы за великое почел одолжение, если б вы худобу моих глаз объявить мне изволили, ибо я всегда почитаю себе за одолжение, когда кто мне в мою осторожность открывает мои недостатки, а вы, как я думаю, по вашему разуму, конечно, ни в чем ошибиться не можете, и меня в том из сомнения выведете.

– Я, сударь, – отвечала она, – другим временем о том объявлю, – и, оборотясь к Люции, шепчет: – Ей-ей, свет мой, у него самые воровские глаза.

Люция, засмеявшись и оборотясь ко мне, сказала вслух:

– Ах, какой вздор шепчет: будто бы вы, братец, имеете воровские глаза. А мне кажется – как их лучше.

Я, усмехнувшись, отвечал ей:

²² Ломбер и кадрили – старинные карточные игры.

– Благодарствую, сударыня, за рекомендацию глаз моих, которые верно ни на кого, кроме честных людей, глядеть не хотят.

– Ах, сестрица! – сказала Анна-София. – Когда я вам так говорила? Какая это лживица! Как тебе это на ум пришло? Это, сударь, ей-ей, неправда.

– Я, сударыня, даю вам обеим на волю, – сказал я ей, – как изволите, так и выправляйтесь. Но сестра моя, приметив ее ко мне любовную страсть, разговор сей пресекла, а показывала ей товары, которые она того дня купила, и так наш разговор кончился.

Между тем Мералий играл в карты с Доротеей-Луизой. И как он к волокитству имел великую склонность, то сколько можно старался сего случая не упустить, чего ради и вступал с ними в разные разговоры.

Доротея, по природной своей смелости, говорила ему:

– Я бы, сударь, вам никогда не советовала играть в карты.

– А для чего, сударыня? – отвечал Мералий.

– Для того сударь, – сказала она ему, – что, видно, вы еще только начинаете учиться, потому что очень много делаете фоутов и несчастливо играете.

– Нет, сударыня, – говорил Мералий, – я очень счастлив, только с вами играть не гожусь.

– Так не прогневайтесь, сударь, – отвечала она ему, – что я в том ошиблась, – и, оборотясь во всю компанию, сказала: – А об этих глазах как вы рассудить изволите?

На сие Мария-Кристина отвечала по-итальянски, ибо Мералий по-итальянски говорить не умел:

– Это беспутная волокита.

Я, услыша сие, захохотал что есть мочи, а Мералий спрашивал меня, чему смеюсь. Я ему сказал, что смеюсь своей игре.

А на Доротеины слова Мералий отвечал:

– Мои глаза, сударыня, очень похожи на ваши.

Мария-Кристина, услыша сие, захохотала и говорила опять по-итальянски:

– Поздравляю вас с беспутною волокитою.

А Доротея на Мералиевы слова отвечала:

– Это не может быть иначе, как разве мать ваша любила моего отца.

Мералий, не рассудив сего слова, продолжал свой разговор следующими словами:

– Я осмелюсь, сударыня, сказать не в пример здешней компании, что дамские глаза всякую минуту ловят мужские, и, ежели б не препятствовал им женской стыд, то б они всегда прежде нашего любовь свою нам объявляли. А то они сами сперва говорить стыдятся, а как скоро мужчина сделает пропозицию²³, то в одну минуту стыдливость их пропадает, потому что всякая женщина против мужчины имеет любовного жару более двух частей, а мы уже остаемся в третьей.

Хотел было Мералий еще говорить больше, но Люция сказала:

– Ах, мои матушки, какой это беспутный похабник.

А я, не вытерпев, принужден был ему сказать:

– Благодарствую, братец, что ты своими разговорами удивил всю нашу компанию. Ежели бы я знал, что от тебя последует такое вранье, то б ни для чего тебя с собою сюда не взял. Опомнись, ты видишь, что здесь сидят девицы, а ты говоришь такой вздор, которого и замужним слушать непристойно.

Доротея, оборотясь к Анне-Софии, сказала:

– Я думаю, уже время и домой ехать, – и, встав, поехали.

После сего, спустя несколько времени, случилось мне в именины Люции быть опять у нее, и как гости все разъехались, а остались только мы одни, то тетка наша Маргарита говорила

²³ Пропозиция – предложение чего-либо кому-либо.

со мной, что время мне жениться, и выхваляла многих девиц, притом же и сестра Люция о том же мне советовала и представляла в невесты некоторых знакомых ей девушек. Но как я не хотел еще жениться, то смеясь отвечал им, что у нас в Лондоне нет такой невесты, на которой бы я согласился жениться, притом же я еще многих коротко и не знаю, а на выбор других в сем случае, кроме самого себя, ни на кого положиться не могу, потому что от женитьбы зависит вечное человеческое счастье или несчастье.

Люция на сие говорила мне:

– Братец, теперь вы все науки окончили, дом имеете богатый, имения довольно, и так вам остается только искать, чтоб невеста ваша была честная и добродетельная. Хотите ль вы, братец, я вам покажу двенадцать славных портретов? Вы только выбирайте, которая вам понравится, а за достоинства их я вам ручаюсь.

Я на сие, смеясь, говорил ей:

– Пожалуй, покажи, я готов вас слушать.

Люция, взяв меня за руку, повела в свою спальню, а за нами вошли Маргарита и Филистина, и показывала мне те портреты, которые были самой лучшей работы.

Первый – Вильгельмины, дармштадтского генерала дочери.

Я смотря на оной, говорил:

– Она бы очень хороша, да только немного криворота.

Люция отвечала мне:

– Может быть, ошибся живописец, а у нее этого нет.

Второй – Ульрики-Элеоноры, шведского генерал-лейтенанта дочери.

– Правда, – говорил я, – эту можно б назвать красавицей, ежели бы была не кривоглаза.

Третий – Софии, родной племянницы маркграфа бранденбургского.

Маркграфиня, прервав милордову речь, сказала:

– Она и мне племянница, однако, пожалуй, не опасайся, говори как было.

– Извольте быть уверены, Ваше Величество, – отвечал милорд, – я ничего от вас утаить не могу, я смотря на оной портрет сказал: «Она немного кривоноса».

– Ах, как дурно, братец, так ругать, – говорила мне сестра.

– Что ты сердисься? Ведь здесь никого чужих нет и никто об оном ведать не может.

Четвертый – Марии-Аполлонии, сардинского курфюрста²⁴ сестры.

– Эта, – говорил я, – кажется, из персоны не довольного ума.

Пятый – Анны-Кристины, дочери польского сенатора.

– Ее и позитура²⁵, – сказал я, – показывает похабною.

– Какое это ругательство, – говорила Люция.

Шестой – Елизаветы-Терезии, сардинского вице-канцлера дочери.

– Ежели ее кто возьмет, – говорил я, – то ничем другим утешаться, как только одною красотою, а ума в ней не бывало.

Седьмой – Филистины-Шарлотты, испанского адмирала племянницы.

– Она и на портрете, – сказал я, – написана смеющейся, а сама уже, я думаю, великая пустосмешка.

– Никак, – говорила Люция, – она только веселого нрава.

Восьмой – Марии-Филистины, прусского генерал-адъютанта дочери.

– Ежели она подлинно так убирается глупо, как написана, то надобно ее взять такому, который бы сам знал во всех женских уборах надлежащую пропорцию.

– Батюшка братец, – говорила мне Люция, – ведь эдак можешь прослыть великим насмешником, что будто для вас из таких знатных невест ни одна не годится, – и кликнув

²⁴ Курфюрст – князь с правом избрания императора.

²⁵ Позитура – положение тела, фигуры.

девку приказала принести из другой горницы еще четыре портрета, про которые, показывая мне, сказала:

– Вот то-то, братец, красавицы.

Девятый – Марии-Магдалины, цесарского адъютанта дочери.

– Правда, – отвечал я, – она хороша, да только еще очень молода, да и щеголиха, в золотом платье и написана.

Десятый – Марии-Анны, бразильского генерал-майора сестры.

– Мне кажется, – сказал я, – она уже не меньше тридцати лет имеет от роду.

– Это правда, – отвечала мне сестра, – что она вас старше.

Одиннадцатый – Вильгельмины-Амалии, брауншвейгского камергера²⁶ дочери.

– Она очень несчастлива, – сказал я, – что ее портрет пишут: ежели бы не писали, то б не всякий знал, что она нехороша.

Двенадцатый – Ингеренты-Елизабеты, английского обер-гофмаршала дочери, нынешней моей невесты.

Я смотря на сей портрет сказал:

– Вот эту можно назвать красавицею, ежели она подлинно так хороша, как написана. И портрет ее показывает в ней великий разум. Я прошлого года во дворце с нею танцевал, только она мне не так хороша показалась, и я не думаю, чтоб чрез год так много в ней красоты прибавилось.

– Совершенно она хороша и умна, – говорила мне Люция. – Ежели тебе угодно, то когда она ко мне приедет, я пришлю за тобою.

– Хорошо, – отвечал я, – я очень хочу ее видеть.

Люция мне сказала, что она на нынешней же неделе неотменно позовет ее к себе обедать.

И я признаюсь, что желал ее видеть не для того, чтоб получить себе в невесту, но для одного только любопытства.

И так простясь с сестрами и теткою, поехал домой.

Чрез шесть дней прислала ко мне сестра сказать, что Елизабета будет к ней обедать. Я, одевшись, в двенадцатом часу к сестре приехал. Увидевши ее, признал за совершенную красавицу и, сидя за столом, смотрел на нее очень прилежно, высматривая, как из ее персоны, так и из разговоров, не имеет ли она какого недостатка, но ничего приметить не мог, и она так мне полюбилась, что хотя жениться был еще и не намерен, но думал в себе, что когда будет мое намерение, то она мне нисколько не противна.

После обеда я несколько с нею разговаривал с великой учтивостью и, сколько мог приметил, что и я ей показался не противен. И так, просидевши она у сестры до самого вечера, поехала домой.

По отъезде ее тетка моя Маргарита и сестра Люция спрашивали меня, какова мне показалась Елизабета. Я им отвечал, что она мне не противна, только я, не имея еще никакого чина, жениться не намерен, и с тем от них поехал.

После сего, когда бывал я во дворце, то ни с кем столько не танцевал, как с нею, – не для того чтоб я ее очень любил, но потому, что она лучше других танцевала. А отец ее с того времени стал ко мне ласкаться и всегда со мною разговаривал.

В один день тетка моя, будучи у Елизаветиной матери в гостях и увидевши Елизабету, говорила ее матери:

– Ах, как вам должно благодарить богов за такое дарованное вам сокровище!

– Это правда, – отвечала Елизаветина мать, – да уже и невеста. Пожалуй, не знаешь ли где для нее хорошего жениха?

²⁶ Камергер – придворное звание высокого ранга.

– Ах, мать моя, – говорила моя тетка, – ежели вам угодно, я тотчас вам объявлю, да и не суженого, а своего племянника Георга.

– Ах, какой предорогой молодец! – говорила Елизабетина мать. – Дочь бы моя очень была счастлива, если б могла быть его женою, только я думаю, что он ее не возьмет.

– А для чего сударыня? – отвечала ей Маргарита. – Мы с Люцией несколько раз говорили ему о женитьбе, и он только тем отговаривается, что не имеет еще никакого чина, а дочь вашу он почитает за первую красавицу во всем Лондоне.

К сим разговорам пристал и отец Елизаветин, и говорил им, что он меня довольно знает, да и король из всех молодых милордов признает меня за первого, и вчера вечером его Величество изволил говорить, что он намерен взять меня ко двору, только еще не известно, окончил ли я свои науки, чтоб чрез то не сделать в оных помешательства.

После сих разговоров Елизаветин отец принял совершенное намерение дочь свою за меня сватать, и на другой день, будучи во дворце, избрав свободное время, докладывал королю следующими словами:

– Ваше Величество, вчерашнего вечера была у меня гостя и сватала мою дочь за милорда Георга, Иримова сына, только он отговаривается тем, что не имеет еще никакого чина, и за тем жениться не намерен, а дочь моя ему понравилась.

– Что ж ты думаешь? – говорил король.

– Ваше Величество, – отвечал Елизаветин отец, – я бы никакого больше счастья к благополучию моей дочери не желал, ежели б только могло сие исполниться.

– Я тебе советую, – сказал король, – не упускать сего случая, ибо сей человек очень достойный, и я со временем надеюсь от него ожидать пользы государству. Будь уверен и ни о чем не думай, я тебе в том буду вспомоществовать.

Чрез несколько после сего дней, в празднество королевской коронации, будучи я во дворце на бале и ничего о сем не ведая, танцевал по-прежнему с Елизабетою. Король, подошед к нам, очень близко смотрел на наши танцы, а как менуэт кончился, то я пошел было прочь, но король, взяв меня за руку и выведя в другую комнату, говорил:

– Знаешь ли ты, милорд, с кем танцевал?

– Очень знаю, Ваше Величество, – отвечал я королю, – это Вашего Величества обергофмаршала дочь Елизабета.

– Как же ты о ней думаешь? – говорил король.

Я отвечал королю, что я ничего другого о ней думать не могу, как только, что она девица честная и одаренная всеми достоинствами.

– Я желаю, – продолжал король, – чтоб она была твоя невеста.

– Это состоит во власти Вашего Величества, – отвечал я королю. – И хотя я не инако сие должен почитать, как за высочайшую вашу ко мне милость, только приемлю смелость Вашему Величеству доложить, что мне еще в таких ребяческих летах, не показав Вашему Величеству никаких услуг, жениться рано.

Король на сие мне сказал:

– Я тотчас сделаю тебя совершенным, ибо я знаю, что хотя ты и младые имеешь лета, но разум совершенный, чего ради и жалую тебя чином моего генерал-адъютанта.

Я пал пред королем на колени и благодарил его с таким чувствительным изъяснением моей благодарности, сколько тогда мне от сего радостного происшествия могло в мою прийти голову.

Король, подняв меня, говорил:

– Теперь уже не можешь ты называться ребенком, потому что сей чин принадлежит совершенному и заслуженному человеку, а ты, хотя и молод, но по твоему разуму и добродетели, я тебя к сему признаю достойным, и когда ты намерен жениться, то я советую не упускать достойной сей невесты.

Я, видя неожиданную себе королевскую милость, никак уже более отговариваться не смел и предался во всем на волю его Величества.

Потом король взял меня за руку, а королева невесту, и, призвав придворного пастора, тот же час надлежащим порядком нас сговорили, а по сговоре взял король обоих нас за руки, привел к нареченному мне тестю с сими словами:

– Я тебя уверяю, что зять твой по своему разуму и честным сантиментам будет твоей любви достоин.

Тесть мой, припадая к стопам королевским, благодарил его с должнейшим высокопочтением. Невеста же моя столько была сим сговором довольна, что удовольствие и радость ясно на лице ее тогда изображались, а я не знаю, для чего был не рад, не печален, и если радовался, так больше полученному от короля чину, нежели невесте.

И так мы, отужинав во дворце, разъехались по своим домам.

На другой день должен я был по моему чину ехать во дворец и принять дежурство. Король отправлением моей должности очень был доволен, а рота гвардии, которая хаживала во дворец на караул, так меня любила и почитала, что везде говорили, что у них ни одного еще такого порядочного командира не было. Словом сказать, я так был счастлив, что ни один заслуженный генерал при дворе так любим и почитаем не был, как я.

По исправлении моей должности, всякий день ездил я к моей невесте, а в один день, по несчастью моему, невеста моя занемогла, и говорили мне, что она от болезни вовсе ни к чему не имеет аппетита.

Я, сколько можно с учтивостью, советовал ей что-нибудь покушать, дабы не привести себя в большую слабость. Она в угодность мне приказала, чтоб ей подали заячьих почек или что-нибудь из дичи, но на кухне в то время никакой дичи не случилось.

И так я по учтивости, как надлежит жениху всегда невесту утешать, говорил ей:

– Ежели бы я знал, что вы до дичи охотницы, то б давно оною с собственной моей охоты услужил, и для того завтра же нарочно поеду в поле, и что могу поймать или убить, с радостью вам служить тем буду.

Елизабета, благодаря меня за сие, говорила, что ежели себе не сочту за тягость, то она от моей охоты с великим аппетитом будет кушать.

Приехав домой, приказал я своему ловчему, чтоб к завтрашнему дню все было в готовности, а поутру, встав очень рано, поехал со всею охотою на поле.

День с утра до девятого часа так был хорош, что все охотники говорили, что они во все лето такого хорошего дня не видали, но в двенадцатом часу сделалась вдруг преужасная гроза и продолжалась до четвертого часа пополудни, от которой все мои охотники, собирая рассеянных по полю собак, разъехались по разным местам, а я, оставшись один, стоял от сей грозы под одним кедровым деревом. И как гроза миновалась, хотел ехать домой, но, садясь на лошадь, увидел под кустом одного зайца, за которым бывшие со мной собаки, гоняясь по острову, были умерщвлены чудным образом, а я, искавши их, заехал в превеликий густой лес и, ездивши по оному всю ночь, на утренней заре выехал на прекрасный, украшенный цветами луг, а оттуда к сему Вашего Величества дому. И где я теперь нахожусь, далеко ль от Лондона, и как могу отсюда выехать, – ничего не знаю и понять не могу.

Маркграфиня, выслушав сие и усмехнувшись, сказала:

– Милорд, я думаю, ты можешь видеть, что я ничем твоей невесты и показываемых тебе Люцией портретов не хуже, однако ж я бы желала иметь вас своим мужем, только не знаю, не противна ли я вам буду и можете ли вы оставить свою невесту, а я вас действительно уверяю, что невеста ваша честь свою принесла на жертву одному своему пажу. Она же у себя имеет такую ехидную маму, которая чрез волшебство так ее обворожила, что она во всем ее слушает, и для того тебе надобно ее очень остерегаться, ибо я верно знаю, что ежели вы на Елизабете женитесь, то чрез год лишитесь жизни.

– Милостивая государыня, – говорил милорд, – возможно ль стать, чтоб милосердные боги могли положить такой предел, чтоб мне из милордов сделаться вашим супругом и обладать такою божественною красотою?

– Я с моей стороны, – говорила маркграфиня, – очень сего желаю, да и для вас, я думаю, гораздо лучше короля своего оставить и сделаться ему равным, нежели подданным. Только прошу вас, чтоб никому сего вашего приключения не объявлять, а содержать, как можно, тайно.

– О боги! – вскричал милорд. – Что я слышу! Не сонное ли мечтание представляется глазам моим? Или тихим ветром с высоты Олимпа от благодати богов сие предвещание приносится? Не ты ли, чистейшая Диана, желаешь меня избавить от бесчестной невесты, или ты, премудрая Минерва, хочешь препроводить, как Телемака, сына Улисса?

Маркграфиня, видевши чрезмерное милордово восхищение, говорила ему, чтоб он ни о чем не сомневался, только б был терпелив и постоянен, а она уже ни для чего намерения своего переменить не может.

– Только я, – говорила она еще милорду, – прежде трех лет никак тебя мужем иметь не могу, а по прошествии трех лет, где б ты ни был, я сама тебя сыщу, причина же тому есть следующая.

Когда злая смерть разлучила меня с любезным моим супругом и я осталась после него бездетна еще девятнадцати лет, то тягостное правление государственных дел так меня обеспокоило, что я для облегчения себя от сей тягости, приняла намерение искать достойного жениха, и в одно время, будучи у одного моего камергера, увидела ваш портрет, на который смотря, спрашивала: чей он и похож ли на того, с кого писан. Он мне описывал вас с великой похвалой, и я с самого того часа почувствовала к вам чрезмерную любовь и положила неперменное намерение иметь вас своим мужем. А как я с самого малолетства от одного славного во всем свете астролога обучена была такой науке, что все предбудущее могла угадывать и что ни задумаю, то сделаю, только на время, а не вечно, и боги по своему милосердию все мои просьбы исполняют, и для того, как я по сей науке сведала, что вы на Елизавете сговорили, которая вам не только в невесты, но и в любовницы не годится, то я, целых два месяца всякий день принося богине Минерве великие жертвы, просила ее, чтоб близко Лондона построить мне сей дом. Мудрая сия богиня, склонясь на мою просьбу, тотчас приказала Сизифу носить отовсюду камни, гигантам строить дом, Вулкану ковать железо, и в одну ночь дом сей построили, а богиня Веста, яко изобретательница домов, всеми богатыми уборами его украсила.

И я, приехавши сюда, не знала, как тебя увидеть, но, сведав по моей науке, что ты поехал за охотою, то принося великому Юпитеру жертву, просила, чтоб он воздвигнул гром и молнию с дождем и градом, а богиня Минерва послала от себя скорую Ирису и велела ей явиться пред тобой зайцем, за которым твои собаки гонялись. Нептун же послал некоторое неприязненное божество и велел собак твоих растерзать, а тебе ослепить очи и напустить страх, чтоб ты не знал, куда выехать. Потом я, видя тебя в таком беспокойном страхе, просила опять богов о твоём спокойствии, чего ради богиня Церера показала тебе украшенный благовонными цветами луг, а Фебус отяготила очи твои легким и приятным сном и наконец привела тебя ко мне в сей неоцененного сокровища дом.

Милорд, слушая сие с великим удивлением, думает, какой бы можно быть такой великой науке, чтоб такие непонятные человеческому разуму производить дела, но при том и думать еще боится, опасаясь, что не знает ли сия мудрая маркграфиня и мыслей человеческих.

Маркграфиня же, видя милорда сомнение, говорила:

– Отпустите мне так, как своей невесте, вину сию, что я вас чрез мою хитрость так много обеспокоила.

– Милостивая государыня, – отвечал он ей, целуя ее руки, – возможно ли вам требовать прощения от такого человека, который все свое благополучие посвятил особе Вашего Величества!

В сих разговорах препроводили они весь день до самого ужина, а по окончании вечернего стола маркиграфиня, взяв милорда за руку, повела в свою спальню с сими словами:

– Теперь уже я осмеливаюсь вас просить, от вашего беспокойства препроводить сию ночь со мною в одной спальне, ибо я вас, как неперменного своего жениха, стыдиться не намерена. Только прошу вас, чтоб вы ни малых противных чести и благопристойности мыслей обо мне не имели, а быть воздержным, твердым и терпеливым, ибо от того зависит общее наше благополучие.

Милорд клянется ей страшнейшими клятвами, что все ее повеления свято и ненарушимо исполнять будет.

Потом кликнула маркиграфиня свою камер-юнгферу²⁷, стала раздеваться и, раздевшись, легла на постель, а милорду приказала ложиться на другой, нарочно для него изготовленной богатой кровати, при чем еще ему напояла, чтоб он был воздержен, а не малодушен. А как он прошедшую ночь очень был обеспокоен, то тотчас заснул, а поутру прежде маркиграфини проснулся и, будучи о красоте ее в различных размышлениях, встав, подошел к ее кровати и открыл занавес. Смотря на прелестную ее красоту, в такую пришел нетерпеливость, что забыв свое обещание и клятвы, отважился с великою тихостью ее поцеловать.

Услышавши сие, маркиграфиня открыла свои очи подобные сияющим звездам, и, взглянув на него со свирепым видом, сказала:

– Так ли ты исполняешь свое обещание и клятву? О, какое малодушие, какое рассуждение, что против женских прелестей не можешь ты преодолеть своей страсти!

Выговорив сие, кликнула свою камер-юнгферу и стала одеваться. Камер-юнгфера, одевши маркиграфиню, вышла вон, а милорд, став пред нею на колени, просил в преступлении своем милостивого прощения, извиняясь, что он учинил сие дерзновение от чрезвычайной любви.

– Я вам сие преступление прощаю, – сказала маркиграфиня, – только впредь надобно быть терпеливым и рассудительным. Однако ж я думаю, вам уже время ехать домой, ибо вас давно по всему городу ищут, а завтра прошу вас к себе отобедать.

– Как, Ваше Величество, – отвечал милорд, – возможно ль, чтоб я так скоро мог сюда возвратиться?

Маркиграфиня, усмехнувшись, сказала:

– Без всякого сомнения можете, только я прошу, чтоб о сем моем доме никому не объявлять, и когда ко мне поедете, то ни одного человека с собою не берите. Вы от Лондона не так далеко, что отсюда его можете увидеть.

И отворила окно, в которое он действительно сквозь редкую рощу город увидел и не мог надивиться, что оный дом так близко от Лондона, а никто про него не знает.

Маркиграфиня приказала заложить карету цугом, в которой милорд и поехал. И, выехав из рощи на большую дорогу, увидел, что Лондон от оной рощи отстоит не более одной мили.

Приехав домой, карету отпустил к маркиграфине, а в доме у себя сказал, что заехал с поля к Мералию и у него две ночи ночевал, а сам, переодевшись в другое платье, поехал к невесте своей Елизабете.

Мама же Елизаветина чрез волшебные хитрости все, что с ним происходило ведала, только никому не сказывала, а просила Елизавету, чтоб она, когда он к ней придет, спросила, где он был.

²⁷ Камер-юнгфера – девушка, прислуживающая государыне при ее одевании и раздевании.

Как скоро милорд вошел к Елизабете в спальню, то она с насмешкой благодарила его за присланную дичь, на что милорд с учтивостью извинялся, что за несчастьем от приключившейся сильной грозы услужить ей тем не мог, а другим временем, конечно, от собственных рук служить будет. Елизабета, по научению своей мамы, различными способами старалась выведывать о его приключении, но ничего сведать не могла.

И так он, просидевши у нее до самого вечера, простясь, поехал. И, выехав из ее дому, бывших с ним, одного лакея послал домой за табакеркою, а другого к Мералию спросить, дома ли он, и приказал себя искать во дворце, а сам поехал к маркграфине. И как скоро приехал к ее дому, то прикованные у ворот львы тотчас вошли в свои места и его пропустили.

Въехав на двор, вошел прямо в маркграфинину спальню. Увидевши его, она встретила с великою радостью, и весь вечер препроводили в разных приятных разговорах, а по окончании вечернего стола говорила она ему:

– Любезный милорд, я очень радуюсь, что вы еще одну ночь у меня ночуете, только теперь уже в одной с вами спальне я ночевать не буду, для того что вы так не воздержны и малодушны, что хуже малого ребенка. Знаете ль вы, что я и прошедшую ночь для того вместе с вами ночевала, чтоб испытать ваше мужество и твердость ваших мыслей, но теперь, узнав, сколь вы малодушны и нетерпеливы, опасаюсь, чтобы вы сего случившегося с вами приключения по невоздержности своей кому ни есть не открыли, – что ежели сделаешь, то уже прежде шести лет никак меня не увидишь, потому что я по смерти моего супруга клялась богам четыре года вдовствовать и, принося богине Диане жертву, просила, чтоб мне по прошествии четырех лет дали боги достойного мужа, на что и получила от сей богини ответ: «Дадут тебе боги по желанию твоему жениха, от честной природы англичанина, и по четырех годах будешь его женою, и жизнь вам определяют благополучную, только научи его хранить тайну и быть терпеливым и твердым, а ежели вы не будете воздержны и прежде вашего брака кто о любви вашей сведает, то уж не прежде как по шести годах брак ваш совершится, и то по претерпении великих несчастливых приключений». И так я, опробовав твою слабость, не надеюсь, чтоб ты мог себя сохранить от ехидной хитрости Елизаветиной мамы, и для того я вас предостерегаю, что ежели невеста твоя сведает, то ты уже меня никаким способом прежде шести лет видеть не будешь. А тебе осталось только завтра приехать ко мне проститься, ибо я более здесь жить не могу, но для некоторого важного дела отъезжаю в Дурлах²⁸, и сего дома вы здесь более не увидите.

В таких разговорах препроводили они всю ночь без сна, и как настал следующий день, то, напившись чаю и кофе, маркграфиня приказала заложить карету и, отпуская его в Лондон, прощалась с ним с льющимися из прелестных ее глаз слезами и еще напоминала, чтоб он, сколько возможно, был терпелив и никому сей тайны не открывал. Милорд клялся ей наипострашнейшими клятвами и уверял, что он скорее согласится для нее лишиться жизни, нежели кому открыть сию тайну, и так, сев в карету, поехал домой.

Между тем временем мама Елизаветина чрез волшебство ведать все, что у них происходило, сделала по своей хитрости с некоторыми волшебными составами вареное в сахаре яблоко и, принеся оное к Елизабете, просила ее, чтоб она им, когда приедет к ней милорд, его попотчевала.

Милорд, не зная сей хитрости, встав поутру, оделся и поехал к своей невесте – с тем намерением, чтоб, посидевши у нее немного, ехать к маркграфине проститься, и, приехав к Елизабете, вошел в ее спальню и, поцеловавшись, как должно жениху с невестой, сел подле ее кровати.

Елизабета, разговаривая с ним, сказала:

– Я, сударь, отложила уже дожидаться от вашей охоты заячьих почек, а хочу вас попотчевать своим вареньем, – и, кликнув девку, приказала подать из своего кабинета яблоко.

²⁸ Дурлах – до начала XVIII в. столица немецкого маркграфства Баден-Дурлах.

Девка тотчас оное принесла на фарфоровой тарелке и поставила пред ним, – которое он отмечал и очень хвалил в варенье ее искусство. А мама, стоя, говорила:

– Подлинно, сударь, невеста ваша варить великая мастерица, только извольте кушать, да не обожгитесь, ибо оно еще не очень остыло.

Милорд, не зная, для чего сии слова были выговорены, ел яблоко, в угодность своей невесте, без всякой опасности, а как скоро его съел, то в ту ж минуту пришла ему о Елизабете великая жалость, что он ее обманывает, а жениться на ней не хочет, и, ставши пред нею на колени, извиняя себя, рассказал ей все, что у него происходило с маркграфиней. Елизабета, выслушав сие, залилась слезами, упрекала его в неверности и называла неблагодарным, однако ж наконец сказала, что она его в том прощает, только б он, оставив маркграфиню, женился на ней, что он с клятвою и обещал.

Но как скоро он все сие рассказал, то – подобно как бы пробудившись от крепкого сна – опамятовался и, вспомнив маркграфино завещание, не знал и сам, что ему делать. Глаза его наполнились горчайшими слезами, и не мог он более сидеть, но, встав, поехал домой и, разославши лакеев своих в разные места, сам поспешил к маркграфине.

Но в какое он пришел удивление, когда приехал к той роще, в которой был преогромный дом, – не только того дома, но и места, на котором оный был построен, нимало не видно. Отчего в такую пришел горечь и отчаяние, что едва мог на лошади сидеть. Источники слез лились из глаз его, трепещало его сердце, боясь за преступление клятвы и за несохранение тайности от правосудия богов справедливого гнева.

В таких печальных размышлениях ходил несколько времени по роще и нашел в одном месте превеликий камень, на котором написаны следующие слова: «Коль тайны маркграфини не мог ты сохранить, то прежде шести лет и в супружество ее не можешь получить». А внизу: «Прощай, и делай что хочешь».

Прочитавши он сию надпись, неутешно плакал, вспоминая все слова премудрой маркграфини. И размышляя в себе, с какими глазами может он к ней показаться, опять рассуждал: «Нет, я ее не оставляю, ибо она как мудрая и великодушная, совершенно в преступлении моем может меня извинить, потому что сие сделалось не от моего слабого невоздержания, но от ехидной хитрости Елизабетиной мамы, которая, ежели бы захотела меня и уморить, то б я, по неведению моему, никак от того избавиться не мог. Итак, пока милостивые боги не отнимут моей жизни, искать ее не перестану».

С такими мыслями возвратился он домой и собрал сколько тогда было в его доме червонных, бриллиантовых и прочих дорогих вещей. И, призвав к себе своего камердинера (сына бывшего своего любимого дядьки), говорил ему:

– Я в верности твоей нимало не сомневаюсь и для того поручаю тебе в смотрение весь мой дом. Получаемые же мои доходы отдавай на сохранение сестре моей Люции, для того что я для некоторого секретного дела принужден ехать в Италию. И так теперь должен ты сходить и нанять для меня самых лучших почтовых лошадей, и чтоб оные в первом часу пополуночи были в готовности, только с тем, чтоб ни один человек о том не ведал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.